

Все совпадения с реальностью случайны,
всё выдуманно, за исключением фактов
из жизни художницы Алисы Порет.

БЛАГОДАРНОСТИ

Спасибо Ильдару Галееву, искусствоведу, просветителю, основателю «Галеев-Галереи», за великолепные выставки, особенно — за выставку Алисы Порет, за любовь к ленинградскому авангарду, большой зелёный том «Алиса Порет» и за неизменное дружеское участие. Его фраза «очень трудная задача — элитарное сделать эгалитарным» навела меня на мысль ввести Алису Порет в контекст нынешней питерской жизни, где Алиса — зеркало, в которое мы вглядываемся и опять переводим взгляд на себя.

Спасибо Ирине Тархановой и ее издательству «Барбарис» за то, что книга «Алиса Порет. Записки. Рисунки. Воспоминания» дала мне возможность войти в прекрасный мир Алисы. Нежный энтузиазм Ирины, ее фестиваль «Ленинград Алисы Порет», посвящен-

ный выходу второй книги воспоминаний, демонстрирует упрямую непрерывность эстетического бытия. Благодаря Ирине Алиса вернулась в Академию художеств, в питерскую жизнь. Думаю, она была рада вернуться.

Спасибо Ирине Стерлиговой за дружбу, теплоту и отклик и за то, что сделала для меня Алису Порет и Татьяну Глебову живыми: они так явственно выступили из-за пелены времени, будто и сейчас живут на Фонтанке...

Спасибо автору и куратору проекта Ярославского художественного музея «Дом в разрезе» Марине Польшвиной за радость встречи, поддержку и любовь к Ленинграду времени Алисы Порет и Татьяны Глебовой.

Спасибо моей дочери Маше, первому читателю моих книг, за ее вкус, остроумные замечания, всегдашнюю готовность помочь, за то, что она, как Алиса, умеет смотреть на жизнь сквозь одуванчик.

Не говори: «Как случилось, что прежние дни были лучше этих?», ибо не от мудрости ты спросил об этом.

Экклезиаст

Слова Павла о Петре говорят нам больше о Павле, чем о Петре.

Бенедикт Спиноза

Если бы это было так, это бы ещё ничего. Если бы, конечно, оно так и было. Но так как это не так, так оно и не так. Такова логика вещей.

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране Чудес

ГЛАВА 1

Рахиль против реальности

Рахиль ведет дневник как положено, с полным осознанием того, что дневник будет издан, прочитан, изучен, откомментирован и помещен в музей. Нередко намеренно путается в датах и фактах, петляет, замечая реальность хитрым рыжим хвостом, желая сбить с толку издателей и потомков.

Поскольку дневник, документ эпохи, откровенно предназначается для печати, то Рахиль не пренебрегла самопрезентацией.

Дневник Рахили

Мое имя Рахиль, или Рахель, или Ракель, или Рашель. Так меня назвал отец, назвал и уехал в Израиль. Мама говорит: «Этот недостойный человек должен был подумать о тебе, беззащитном ребенке, остающемся в антисемитской стране». Но это ее обычное вранье со всех сторон! Такое подлое вранье: в одном вранье сразу три, и не знаешь, какое из трех первым опровергнуть.

Прежде чем опровергнуть вранье, хочу отметить два важных пункта:

1. Лучше уйти. Имею в виду в иной мир. Это мое осознанное решение: лучше уйти. Лучше уйти, чем страдать, учиться, слушаться, соблюдать правила приличия и, по выражению мамы, «радоваться, что родилась в такой семье», «соответствовать». Конечно, остающихся на земле жаль (в моем случае это папа), но для уходящего начинается самое интересное. Сейчас октябрь, до апреля осталось пять месяцев, — в апреле для меня начнется самое интересное.

2. Ведение дневника было обязательно для масонов. Масон писал, как все обычно пишут в дневнике, о чем думает, что чувствует. Но вот что самое важное: масон на заседании

масонской ложи зачитывал свой дневник!.. И другие масоны говорили ему, что хорошего и что плохого в том, что он думает, что чувствует и как ведет себя. Это гениальный способ воспитания нравственности!

У нас сейчас человек пишет в Фейсбуке, как будто ведет публичный дневник, но разница принципиальная — в Фейсбуке тебя никто не критикует. Никто не напишет: «то, что ты чувствуешь, плохо» или «ты ведешь себя плохо». А если напишет, то отправится в бан. Это жестко: ставь мне лайк или я тебя забаню, соглашайся, что я хороший, или уходи вон. Получается, у человека нет нравственных ориентиров.

Кроме публичного чтения дневников масоны вели переписку: каждый масон рассказывал нескольким другим масонам, имеющим более высокое положение в ложе, что происходит в его жизни и душе. Как это прекрасно! Как это правильно! Каждый мечтает о друге, который выслушает. Такие отчеты дисциплинируют внутреннюю и внешнюю жизнь.

Дневник я уже веду, хорошо бы еще затеять переписку. Да где же возьмешь внимательных к тебе масонов более высокого положения! (Надеюсь, понятно, что я шучу.) Или хотя бы просто достойного человека, которому не жаль тратить на тебя время! (А вот тут не шучу.)

Так вот, мама трижды врет. Три вранья вообще выгодней, чем одно: это знают все, кто часто врет.

Первое вранье: мой отец не бросал меня. В Израиль она собиралась вместе с моим отцом, сначала в Израиль и дальше в Америку (мама оценивает это как свое временное умопомрачение). Мама переменяла свои планы в аэропорту перед вылетом (тут я ею даже отчасти горжусь: она человек, способный на резкий поступок — на паспортном контроле развернулась со мной на руках и ушла обратно на родину. Я бы не смогла, поплелась бы, как овца, куда влекут судьба и принятые на себя обязательства).

Мне было три года, и я все помню: как меня сначала вели за руку с Родины (через таможню, паспортный контроль), а потом на руках тащили обратно (паспортный контроль, таможня). Не у каждого ребенка была такая мгновенная перемена участи, поэтому я часто думаю о судьбе — как она складывается и от чего зависит, — от чужих решений. Странно, что один человек может иметь над другим такую власть: мама решила мою судьбу мгновенно. Я могла бы жить с отцом в Америке, а живу в Питере с папой.

Вранье второе: я не беззащитная. Я из Семьи. Все мои предки со стороны мамы есть

в Википедии, о них написаны книги по истории кино, театра, музыки, архитектуры. Три поколения «мастеров культуры». Мама называет нашу семью «старые деньги»: деньги здесь ни при чем, это просто выражение, которое используется специально для того, чтобы его не все понимали, — чтобы отделить своих от чужих. Имеется в виду, что наша семья с историей, семья из Википедии. Семья, которая является частью системы связей, в которой само собой находится все, что нужно. Так что я не беззащитная, за мной Википедия, если что.

Ну, и наконец, страна наша не более антисемитская, чем любая другая. Дома, в Питере, я никогда не сталкивалась с антисемитизмом.

Ох, нет, кроме одного случая: мой брат поссорился с одноклассницей из-за какой-то детской ерунды и крикнул ей «жидовка-морковка», после чего мама с папой принесли ее родителям глубочайшие извинения, виски и торт. Смешно в этой истории все: девочка была не еврейка, а глупый Матвей, напротив, считал, что это он «жид», еврей, как я, и просто срифмовал. Смешно, что родители так испугались прослыть антисемитами. Смешно, что глупая выходка моего собственного брата — это единственный раз, когда я «встретилась с антисемитизмом». Думаю,

время такое — не до евреев вообще. Сейчас других ненавидят, не евреев: теракты в метро не евреи же совершают. Я это к тому, что мой родной отец передо мной не виноват, и я благодарна ему за свое имя.

Мама уверяет, что имя влияет на человека, и имя Рахиль сыграло свою роль в том, что я такая нервная, возбудимая, высокомерная, холодная, скрытная, не поддающаяся воспитанию дрянь. Если кое-что покажется противоречием (разве может человек быть одновременно возбудимым и холодным?), то да, это не ошибка, это все я. И «возбудимая» — я, и «холодная» — я, вот такая я противоречивая дрянь. Что, черт возьми, нужно сделать, чтобы мама тебя любила?! Трудиться, слушаться? Самой любить маму? Изменить имя? Если бы мама могла, она бы запретила мне помнить, что мое имя Рахиль (Рахель, Ракель, Рашель). Антисемитизм же не дремлет! Дома меня называют Раша.

А в школе-то меня зовут Рашка! Раша, Рашка — как Россия. Мама иронизирует: «Рахиль в России н е в о з м о ж н о», но я Рахиль-Рашка.

Ну, и кое-что еще, нескромное, но необходимое для будущих читателей моего дневника: я, как и полагается быть Рахили, красавица

с большими грустными глазами, «которые скрывают печаль и тайну». С печалью все ясно: у любого человека с приемлемым интеллектом имеется печаль. Но тайна не у всякого есть. У меня есть две.

Одна тайна — это то, что лежит у меня под матрасом. Не найдут, потому что я недвижимо лежу сверху.

Вторая тайна: я не просто так живу (до апреля, как я уже говорила). Я живу против своей эпохи.

Да нет же, это не подростковое идиотство! Объясняю. Сейчас время симулякр.

Симулякр — для тех, кто не знает, — модное слово, означающее копию того, чего на самом деле нет. Например, вы делаете разными хитрыми способами фотографию цветка — на самом деле это не настоящая фотография, а технологии. Но и цветка на свете нет! Где цветок? Можно на него взглянуть, понюхать, как он пахнет? Его нет. Это симулякр.

Еще пример: социальные сети — это симулякр дружбы. Или наши учителя — симулякры настоящего учителя из «Доживем до понедельника». Или моя мама — притворяется, будто любит меня. У нее нет ко мне материнских чувств, она изображает то, чего никогда не испытывала. Это симулякр.

Симулякр всегда пошлость. Разве может быть не пошлым изображение цветка, которого нет в природе? Игра в дружбу? Имитация любви, которой никогда не было?

У меня есть миссия. Моя миссия — доказать, что в эпоху симулякров можно быть живым. Для этого и апрель, понимаете? Для этого Париж. В Париже я совершу самое важное дело — уйду по своей воле, и это будет не конец, а начало! Почему в Париже? Потому что я так хочу. Кажется, человек сам может выбирать, где покончить с прежней жизнью и начать новую?..

О-о, вот еще пример: наша семья — это симулякр. Мы изображаем хорошую семью, а на самом деле у нас дома идет гражданская война.

Но сначала продолжим презентацию.

Мой папа.

Папа, милый папа. Надеюсь, понятно: когда я говорю «мой папа», я имею в виду моего папу, а не моего отца.

Мой папа кажется добрым и нежным, как Винни-Пух. На самом деле он жесткий человек, а добр и нежен только ко мне. И к маме, конечно, и к Матвею. Я его люблю до кома в горле, до боли в коленке! Папа, милый папа. Если кому-то интересно, не ревную ли я его

к родному ребенку, то это отдельный разговор, он состоится позже.

Папа занимается бизнесом. Никто не посчитал нужным сообщить мне, какой бизнес у моего папы. Когда я была маленькой, я все время слышала «папа в ресторане, придет поздно» или «папа вчера поздно пришел из ресторана». Я думала, что папа работает в ресторане. Как и все дети, я глупейшим образом несла родителям все: девочки в школе интересовались, какая зарплата у моего папы в ресторане.

Папа улыбнулся: «Скажи — неплохая». А мама сказала: «Ты не должна реагировать на неприличный интерес. А если тебя попросят снять трусы, ты снимешь? Но запомни: у нас достаточно денег, чтобы не говорить и не думать о деньгах».

Я была так озадачена тем, что мне могут предложить снять трусы, что больше никогда не спрашивала ни о чем: вопрос, чем папа занимается, казался мне неприличным.

В нашей семье много табу: мой отец — табу (маме можно говорить «она взяла самое плохое от отца», но мне упоминать отца нельзя), мои еврейские корни — табу (мама не стыдится моей еврейской крови, просто табу, и все), деньги — табу, папин бизнес — табу...

Папин «бизнес» — это симулякр «работы». Говорят «папа на работе», а какая у него работа? Где он? На бизнесе?

Но бизнес может быть — ларек на рынке, а может быть — нефть. Судя по маминим духовным запросам и происхождению, это не ларек. Но и не нефть.

Мы этим летом ездили в Плёс (мама вывозила меня на пленэр, считала, меня вдохновят пейзажи; так и вышло, такая красота вдохновит любого, кто умеет держать в руке кисть). Ох, какая же за окном автомобиля была нищета! Экскурсовод скромно неодобрительно упомянул «богатство Москвы», а потом показал огромное красивейшее имение на Волге, с гордостью: «Это дача членов правительства». Смешно, он будто гордится чужим богатством. Может, это исконно русская черта — гордиться чужим? Экскурсовод сказал, что стыдно мне не знать, кто члены правительства. Ага, а по-моему, наоборот, стыдно знать, — это суета, пошлость и симулякр. Лучше знать наизусть всех древнегреческих и древнеримских философов.

Экскурсовод сказал кому-то про меня тихо, я слышала: «Неглупая девочка, но не понимает, что отделена окном машины от всей страны». Это я-то неглупая? А кто тогда умный? И отчего же, я понимаю.

Но у меня нет чувства вины. С какой стати мне чувствовать вину за богатство Москвы и членов правительства?! За нашу семью? Я не отвечаю за то, что все каникулы провожу в Италии, зимой мы на выходные летаем на горнолыжный курорт во Францию (папе нравится еда, а маме — что летим через Париж и в Париже можно заодно все купить). Да понимаю я, что у других людей за окном машины этого нет! Но я-то здесь при чем? Я несу ответственность только перед собой — за формирование своего интеллекта.

О стыде. Мама говорит, что я неблагодарная: расту в безопасности, думаю, что меня от всего могут защитить деньги (ей можно говорить о деньгах!). Как будто у меня есть выбор и я из благодарности могу выбрать расти на помойке.

Деньги могут защитить меня от всего?! Ага, от всего, кроме нее самой! И да, деньги не защитили меня от аварии!

Дальше. Моя мама.

Мама — единственная, кто не хочет признать, что я инвалид. Мучает меня как здоровую. Так же, как прежде, говорит мне все. Так и кричит: «Сейчас я скажу тебе ВСЕ!»

ВСЕ — это то, что она думает о моих недостатках. И какое мрачное будущее меня ждет,

если я немедленно не попрошу прощения за свою ничтожность и прямо сейчас не переделаю себя. Интеллигентный человек, с хорошей речью, а кричит: «Обещай мне прямо сейчас переделать себя!» Честное слово, не вру!

Когда я была здорова, она не только кричала на меня, — еще дергала меня за волосы, и один раз так распалилась, что дала мне пощечину. Тут же заплакала и все спрашивала: «Не больно, не больно?» И объяснила: «Это потому, что я за тебя переживаю!.. Да и нервы ни к черту... Но ты должна переделать себя!»

Знаете, мне ее даже жаль: я не могу представить, как это — родить ребенка, который тебе не нравится. Даже когда я была маленькая, она не могла меня трогать, гладить, обнимать: ей не нравилось, как я пахну.

Она об этом рассказывала подругам... они иногда собираются, что-то вкусное готовят, пьют вино, смеются, откровенничают, иногда кто-то может заплакать. Мне нельзя при этом быть, но я могу подслушать за дверью.

«Но почему? Она такая красивая девочка, а маленькой была просто куколка», — удивился кто-то. Мама пожала плечами — да, хорошенькая, но какое-то физическое отвержение. Хм, как будто отвергнуть некрасивого ребенка самое обычное дело.

Она так и сказала: «Я не могла до нее дотронуться». Ей не нравилось, как я пахну?.. С тех пор я выливала на себя духи литрами и все нюхала и нюхала — ничем неприятным я не пахла, но на всякий случай подливала еще, как на грядку.

Сейчас я полный инвалид, а она все так же стоит надо мной и привычно перечисляет мои грехи: я похожа на своего отца, плохо играю на скрипке, неуклюже танцую... «Ты танцуешь как будто медведь топчется» — даже на этих словах она не вспоминает, что я калека, и просит: «Ты должна переделать себя!» А я лежу недвижимо, как неправильно разделанная селедка на разделочной доске... Чем тупо лежать, взяла бы нож с вилкой и — раз-раз — переделала себя.

Я лежу на целой куче сокровищ. На деньгах, паспорте, письмах, фотографиях, книгах. Под матрацем у меня полный набор выживания: якобы потерянный паспорт (по нему можно перемещаться и жить в отеле), украденные у папы деньги (он и не заметил, что пропала приличная сумма, достаточная, чтобы прожить в Париже необходимое для моего плана время). Письма, фотографии и книги мне не понадобятся в Париже и тем более там, куда я хочу уйти, — просто я не хотела, чтобы

мама их видела. Дело в том, что я не люблю, когда меня унижают. А мама может ворваться и выхватить у меня из рук книгу с криком: «Как в нашей семье мог вырасти человек без литературного вкуса?! Как можно это читать?! И вообще, лучше бы ты рисовала! Если ты, конечно, хочешь стать художницей!» Дневник я, к о н е ч н о, прятала, во всяких очевидных местах: в книжном шкафу за книгами, во втором ряду, на полке между свитерами, в ворохе белья, а иногда, по рекомендации Агаты Кристи, там, где никто не заподозрит, — на письменном столе посреди школьных тетрадок.

Теперь, когда я лежу недвижимо, у меня осталось лишь одно место, куда я могу прятать дневник, — засунуть под матрац со стороны стенки. Моя безопасность при таких ограниченных возможностях, как ни странно, сильно увеличилась: теперь я недвижимо лежу на своих тайнах. Даже маме не придет в голову скинуть инвалида с кровати и при мне читать мой дневник.

Мама часто говорит: «У тебя никогда ничего не получится. Ты не станешь хорошей художницей. Ты неудачница. А если вдруг что-то получится, то в последний момент все сорвется». Это звучит как заклинание. Я просила, объясняла: «Нельзя давать человеку такие послания

в будущее», и она соглашалась, а потом опять, как заведенная: «У тебя никогда ничего не получится, в последний момент все сорвется».

Смешно, что она оказалась права: я начала жить, и у меня не получилось. Все сорвалось, балльные танцы, красота, — я калека. Я ей с самого рождения не нравилась, а уж теперь, когда я калека, я её решительно не нравлюсь. Но теперь наши с ней силы не равны. Теперь я сильнее. Она больше не сможет вцепиться мне в волосы, ударить: избить калеку — это чересчур даже для ее нервов.

А если «нервы», надо лечиться! Она классический невротик, из учебника: эгоистичная, неуравновешенная, стремится вызвать мое восхищение и одновременно подавить меня, проявляет завышенные требования (ко мне и к папе), зависит от мнения окружающих, склонна к манипулированию, никого не любит, кроме Матвея, и, понятное дело, у нее агрессивность от перманентной фрустрации и близкого климакса.

В нашем доме идет гражданская война: белые против красных, аристократия против пролетариата. Может быть, вам трудно представить, что происхождение для кого-то имеет значение? Многим само слово «происхождение» кажется из Дарвина или из романов.

Но многим вообще трудно представить, что другие люди — другие. У нас — так.

Мои родители из разных социальных слоев.

Мама родилась здесь, в нашем доме на Мойке. Прогулки с няней. Няня нянчила ее маму. Старая ленинградская семья: один мой прадед — кинорежиссер (вы знаете его фильмы), его родной брат — композитор (вы поете его песни), другой мой прадед — архитектор. В его квартире мы и живем. Я-то всю жизнь ему благодарна за то, что он когда-то перестроил свою огромную, в целый этаж, квартиру: отдал государству левую половину, а себе взял правую, зато прибавил к своим владениям чердак и купол. Я живу в куполе, как птица... Из купола виден весь город. Государство, кстати, не нашло ничего лучше, чем превратить отданную ему левую половину в коммуналку.

Я живу в куполе, как птица... Там я рисую, там же стоит моя кровать и огромные старые сундуки. В сундуках еще сундуки поменьше, в тех сундуках коробки, коробки, в тех коробках золотое яйцо, а в яйце сила Кощея Бессмертного... Так мне папа говорил, когда я была маленькая. В сундуках у нас архив. Три поколения большой семьи, представляете, сколько там писем, фотографий? Есть даже

дореволюционные. Моя прабабка, жена прадеда-архитектора, была из аристократической семьи, дочь царского генерала. Одна только прабабка была аристократка, но маме хватило и одной, чтобы гордиться.

Мама ругает меня за то, что я роюсь в сундуках, рассматриваю старые фотографии, перебираю кружевные платочки и атласные лоскутки, читаю письма. Как будто я могу найти компромат на семью или порнографические открытки, ха-ха. Обнаженная натура среди рисунков есть, и письма эротические мои предки писали. Наш семейный архив такой большой (три сундука), что историку до конца жизни хватит изучать!

Из-за архива все и случилось... в том смысле, что все случается из-за чего-то. Каждое событие в цепочке имеет смысл.

Мама подкралась к лестнице так, что я не слышала, резко крикнула мне снизу, прямо взревела, как медведь: «Спускайся сию минуту, мы опоздаем! Я тебя отвезу! Что ты там застряла, опять роешься в чужих вещах?!» А у меня как раз в руках целая стопка «чужих вещей»: старые открытки, записочки, письма, небольшого размера письмишки, все это пахнет так, что у меня от счастья кружится голова, — другой жизнью... Письма — это не

вещи, и они не чужие, а моей прабабки. Прежде это была чья-то жизнь, а теперь это моя тайна от всех, моя тайная жизнь.

Если мама хотела сделать мне что-то приятное, отвезти меня в мою художку, то нечего было так орать... Во-первых, я не роюсь, а изучаю, как если бы я была историком. Вот, например, нашла в одном из сундуков стопку детских книжек, тонких, каких теперь не выпускают: «Как победила революция», «Мачты и крылья», «Чьи это игрушки?», «Гражданская война» — рисунки хорошие. Нашла школьную тетрадь, на первой странице написано: «Задание: составить рассказ из слов: империалисты, оппортунисты, энтузиасты, ударники, пятидневка». На обложке тетради напечатано: «Поучение: не плюй на пол!»

Во-первых, я не роюсь, а изучаю, а во-вторых, я уже закончила рыться и начала готовиться к магическому ритуалу. Меня научили магическому ритуалу, как наколдовать желание: пишешь на листке тонкой бумаги свое желание. Желание должно быть сформулировано кратко, в настоящем времени, в утвердительной форме (не «Хочу, чтобы меня пригласили...», а «Меня приглашают...»). Листок оборачиваешь вокруг свечки и прочно привязываешь ниткой. Ровно в полночь зажигаешь

свечу и ждешь, когда она прогорит. Вот и все. Свечу я взяла небольшую и не слишком толстую, чтобы мама не унюхала, что я тут жгу свечи. Не то чтобы я верю, что желание у меня в кармане, но вдруг поможет? Я заранее написала желание, чтобы ровно в полночь не терять времени, и собралась привязать листок ниткой к свечке. Но мама внизу кричала: «Мы опоздаем! Я сейчас поднимусь к тебе и...»

Я вскочила, засуетилась, как бурундук при приближении опасности (мне бы попало, если бы она застучала меня с книжками и письмами из сундука, а если бы она прочитала мое желание, я бы сама умерла на месте!), и быстро, на бегу, сунула все под матрац — и книжки, и свечу, и открытки-письма-письмишки, и главное — листок с желанием, — и полетела вниз по лестнице. На нижней ступеньке споткнулась и подвернула правую ногу. Нога мгновенно распухла... Бурундук, почуввав опасность, встает на задние лапки и свистит, затем убегает, продолжая свистеть, и прячется в кустах или залезает на дерево. Что бы сказала мама, если бы я со свистом промчалась мимо нее, выбежала на улицу и залезла на дерево?

На Фонтанке, у Цирка, мама неудачно затормозила и въехала в поребрик. Всего лишь поребрик! И вот скажите, кто виноват, что те-

перь я калека? Я, потому что полулежала на заднем сиденье и держала распухшую ногу на спинке переднего кресла? Или мама? Я ведь подвернула ногу из-за мамы! Если бы я не боялась, что она застукает меня с моим желанием, и не торопилась спрятать листок под матрац...

В общем, оказалось, что человек — очень хрупкое, ненадежное существо: на «рейндж-ровере» всего лишь царапина, на поребрике ничего, а я — калека, лежу недвижимо... Вот ни фига себе, подвезли в художку...

С трудом отвоевала себе право лежать в куполе... Все, что мне доступно из радостей жизни, это рисовать лежа. Лежа можно рисовать только карандашом (ну, не маслом же! и тушью нельзя — расплывается). Я ставлю на живот подставку с закрепленным листом и рисую лежа. Нашей домработнице платят вдвойне за то, что она бегает в купол: меняет листы на подставке, приносит еду, помогает мне справиться с унизительными подробностями моего существования. Я рисую на животе, ну, и конечно, у меня есть ноутбук и айфон.

До листка с желанием и остального, что я спрятала под матрацем, мне не добраться. Это так близко от меня: нужно всего-то сесть, протянуть руку... Но я не могу сесть! Я лежу! До архива тем более не добраться.

Кроме меня семейный архив никому не интересен, я единственный потомок своих знаменитых предков (маленький Матвей пока не в счет). Так уж получилось, что из всего великолепия «мастеров культуры» вышел один лишь ручеек, я. Кстати, в поколении, следующем за этими китами (кинорежиссер — композитор — архитектор), в его побочных ветвях, все искусствоведы: сами уже не производили искусство, только ведали, кто в Эрмитаже, кто в Пушкинском доме, кто где.

Все такие фамилии как-то роднились (если вы назовете какого-нибудь знаменитого «ленинградского деятеля культуры», то у нас в роду найдутся его дети-внуки), были знакомы с детства, настоящее светское общество, старые деньги. «Старые деньги» можно сказать про семью, в которой может и не быть денег, но есть дух, история, несколько поколений «хорошей семьи», выращенных няней... и няня тоже была из «хорошей семьи».

А вот «новые деньги» — это именно про деньги. «Новые деньги» — это люди, у которых много денег, но первое поколение умеет есть ножом и вилкой, едят ножом и вилкой в ресторане, а у себя дома хрюпают так. Я-то не сноб, я нормальная, просто повторяю мамины слова.

Мама из Семьи, а папу взяли в Семью. Папа — никто. Из какого-то города. Из какой-то семьи. Да, вот еще одно семейное табу: папина мама — крановщица. В других семьях не говорят о сифилитиках или сумасшедших в роду, а у нас не говорят о крановщице. Но зачем мама выходила замуж, если считала этот брак неприличным мезальянсом? Может быть, папа обманул принцессу, притворившись кем-то другим? Может быть, у папы был Кот в сапогах, который бежал перед маминой каретой с криком «Это поля маркиза Карабаса!»?

Принцесса хренова. Вышла замуж, чтобы потом твердить мужу: «Ты никто, тебя взяли в Семью, ты всем обязан нам, мы дали тебе все». Конечно, я уже давно знаю, какой у папы бизнес: это не бизнес.

Это магазины. У папы сеть продуктовых магазинов. Магазины самые дешевые, если честно, это круглосуточные продуктовые лавки, расположены обычно в подвальныхчиках. Их много, только вокруг нашего дома их пять, и два из них на Мойке.

Мама говорит: «К тебе ходит весь Петербург Достоевского». Ну и что? Папа делает хорошее дело для людей. Бедные люди тоже должны покупать свежие продукты, а в папиных магазинах всегда все свежее, потому что

дешевое быстро раскупается и привозят новое. Товарооборот.

Мама говорит: «Моя семья дала тебе первоначальный капитал, чтобы ты занял место в обществе, а ты вместо этого открыл сеть сельпо». Как будто мамина семья — мафия, и моего папу взяли из деревни у оливковой рощи в Нью-Йорк торговать алкогелем... или как будто мама дала ему первоначальный капитал в виде семейных связей, чтобы он стал президентом, а он открыл сельпо. В любом случае, это какой-то голливудский сериал!

В общем, между ними так: папа работает из милости. Ему позволено зарабатывать на дом в Италии, горнолыжные курорты, шубы, машины, крабы и креветки, но не позволено забыть, кто он и кому обязан всем, — Семье.

Но я не признаю правомерности этих упреков! Семейный бизнес маминой семьи — культура. Если бы мамыны родные занимались папиной карьерой и папа стал бы с их помощью актером, режиссером, композитором, если бы он действительно использовал семейные связи, то упрекать его было бы пусть гнусно, но хотя бы логично. А так-то за что? За то, что у него молоко, хлеб, помидоры, а не французский паштет — не «Глобус Гурмэ», не круто? Бедный мой папа.

ГЛАВА 2

Слишком жирно?

«Помни, от смерти не уйдешь», — наставительно произнес в трубку неизвестный голос. Ага, а я-то и не знала!

Звонок был на домашний телефон, который почти всегда отключен за неуплату, поэтому я решила, что это адресовано не мне. Если бы на мобильный, то напоминание точно мне, а на домашний могли ошибиться.

Но слова «помни, от смерти не уйдешь» пришлись кстати: подкрепили мое решение уйти... Да господи ты боже мой, не из жизни, конечно! Уйти из профессии.

Когда у меня несколько лет назад брали интервью, я сказала, что уйду из профессии в семьдесят семь: «Я точно знаю, когда больше не захочу работать, — в семьдесят семь... Я буду уже на другом этапе жизни». На каком, черт возьми, этапе, и что я вообще имела

в виду? Наверное, просто важничала. Теперь, когда мне исполнилось пятьдесят семь, я думаю иначе: почему в семьдесят семь? Думаю: зачем мне вообще когда-либо уходить из профессии?

В свой первый рабочий день я, конечно, опоздала, но я не виновата (сломался троллейбус, пришлось спасать детей из проруби, не прозвенел будильник)... Я действительно не виновата: на Мойке плохо с парковкой для таких длинных «мерседесов», как мой. У меня самый длинный «мерседес» на Мойке! И самый красный.

Я открыла подъезд Аннунциатиным ключом, полюбовалась на камин, изогнутые перила, чугунную дверь лифта. В Петербурге немало подъездов как будто с выставки «Петербург в стиле модерн», сохранившихся в революции и войны, где сквозь некоторое запустение проступают смыслы: среди чужих традиций и обычаев мы не совсем чужие, почти свои, мы здесь по наследному праву, мы чье-то продолжение. Иногда я специально захожу в такой подъезд: если постоять несколько минут молча, чувствуешь, как через тебя проходит время.

Ну, вот я и консьерж. Моя домработница уверяет, что невозможно стать консьержем

без блата. Пусть и на один день, как я. Я, во всяком случае, получила эту должность по протекции моей домработницы.

Отперев будку, я занялась дизайном: на диван — плед и несколько цветных подушек, на столик кофейник, чашку, айпад. Настоящий консьерж (а я настоящий!) без ума от чтения, но я без ума от сериалов НВО, поэтому у меня с собой айпад. Всякий день человека должен быть прекрасен — это мой единственный принцип, других принципов у меня нет. Тот единственный день, который я собираюсь провести в будке, тем более должен быть прекрасен.

Смогу ли я работать на своей новой работе? Маслом, конечно, не смогу работать, но акварель и гуашь — почему бы нет? Кто сказал, что консьерж не может писать акварели? Мое амплуа в этом новом мире, в этом подъезде, в этой будке — эксцентричная старушка из бывших, в шляпке, пишет акварельки. Или лучше старушка-детектив? В детективах консьерж не последнее лицо. Рассеянно поднимает глаза от книги и путает имена жильцов, но первым находит улики. Иногда сам раскрывает преступления. Особенно старушка...
ДЛЯ АМПЛУА СТАРУШКИ Я СЛИШКОМ МОЛОДА.

Интересно, что сказал бы папа, увидев меня в мои шестьдесят три года в будке консьержа, пишущую акварели?

Сказал бы, что, прежде чем уйти, четким жирным пунктиром наметил мою судьбу, — а я всегда жила поперек. Сказал бы, что он говорил, он предупреждал! Что если уж мне так приспичило рисовать, то нужно было получить техническое образование, человек с техническим образованием всегда зарабатывает на жизнь у кульмана, а вот у мольберта нет, не заработает... Но это неправда! У меня были персональные выставки в Питере, и в Париже, и в Берлине. В Европе много моих работ в частных коллекциях, пока не прошла мода на постсоветскую живопись, меня покупали.

...Боюсь, что папа не ценит частные коллекции. Он человек советский, и все частное кажется ему несерьезным. Вот то, что мои работы есть в музеях Петербурга (не в Русском музее, конечно) — в музее современного искусства, в музее истории города в Петропавловке — покажется ему настоящим признанием, как, впрочем, и мне.

Последняя выставка была у меня два года назад. В галерее на Васильевском. На этой выставке кто-то вдруг купил разом почти все

работы. Я думала, что же это за любитель меня, Алисоман? Это оказался мой друг юности, а теперь — государственный муж.

Давно, в 90-е годы, все со всеми дружили, кто пел, кто рисовал, кто руководил городом, и все были молодые. Разве мы тогда могли подумать, что наша питерская власть станет руководить страной, и мои друзья станут главными в стране, и мой близкий друг станет пусть не самым главным, но очень важной персоной, Тем, Кого Нельзя Называть?.. Я не видела его двадцать пять лет (только по телевизору), а тут он вдруг появился на моей выставке — и купил картины оптом... Оставшиеся работы тоже были проданы, их купили обычные люди, не оптом, а по одной.

С тех пор выставок не было, и в мастерской ничего не продается.

Мой муж советовал напомнить о себе: эй, ребята, я подруга дней ваших веселых, вспомните, как мы веселились, посмотрите на ваши портреты, мною писанные, мне, как и вам, уже шестьдесят, помогите мне сделать юбилейную выставку... Лучше сдохнуть, чем просить!..

Ты спрашиваешь, папа, почему не продаются картины? Бывают времена, папа, когда ты на коне, а бывают, когда на коне другие. Тогда главным твоим словом становится

СМИРЕНИЕ. Смирение, папа, а уж если смиряться, то за деньги. Или за необходимые жизненные удобства... Ой, папа, неужели все нужно объяснять?!

Папа хотел получить разъяснения, и я продолжала. Хорошо, папа, я объясню, почему я, серьезный художник, у которого есть друг юности, Тот, Кого Нельзя Называть, стала консьержем. Тому, папа, есть важные причины.

Я, папа, нахожусь в критическом положении: мой муж, как тебе известно, знаменитый писатель, ушел к бухгалтерше... Ох, ну зачем тебе это знать, папа? Он ушел, и теперь я сама отвечаю за свое материальное положение. Мы с Братцем Кроликом расстались друзьями, как цивилизованные, черт бы их побрал, люди (разве можно расстаться друзьями с тем, без кого не можешь жить?!). И, конечно, Братец Кролик не отказывается мне помогать, но это трудно: в последние годы его гонорары очень упали, прямо-таки обвалились, — в общем, он не может содержать и меня, и бухгалтершу. Ты его не ругай, папа, лучше представь, как сильно он меня любил, что все не мог признаться в бухгалтерше, бедный, бедный... Народная мудрость и мои подруги говорят, что он бы не ушел, если бы у нас были дети (я, ты знаешь, не хотела детей). Но если бы у нас были дети,

то сейчас они были бы слишком большие, чтобы из-за них не уходить.

Так вот, я подумала: картины не продаются, денег у меня нет, но кое-что есть — есть же квартирища наша, твоя!

Подумала и сдала все комнаты студентам Академии художеств, ненадолго, всего лишь на учебный год. Теперь наша квартира похожа на общагу Академии художеств.

А дальше было так... Студенты ведь тоже люди, правда? В их жизни должно быть место любви? Я считаю, да, поэтому разрешила им приглашать в гости подруг. Теперь они приводят в гости девочек и немного распоясались. Я всей душой за молодость, темперамент и разнообразие, но иногда это... э-э-э... немного напоминает бордель. Дети ведь всегда так: дай им палец — откусят руку... Ты, папа, сам обо мне так говорил. Поэтому иногда уйти из дома и поработать консьержем даже интересно: новые люди, другое общение... В общем, папа, потом расскажу подробней.

Зачем я сказала папе, что работаю консьержем, что это смирение за зарплату? Почему не призналась, что консьерж не постоянная моя работа, а случайная?.. Я знаю почему. Хотела, чтобы он испугался, переживал за меня. Из того же детского чувства, которое застав-

ляло меня, придя из школы, страшным шепотом врать: «У меня двойка!.. И еще голова болит!», — пусть-ка разволнуется, пусть любит меня еще больше, пусть наша связь станет еще крепче... Хотя куда больше, куда крепче: папы уже тридцать лет нет, а он со мной в каждом смешке, каждом мазке... Ладно, чуть позже расскажу папе правду: что я работаю консьержем вместо моей домработницы Аннунциаты.

Что вы делаете, когда близкий человек вдруг сообщает, что вы больше не вместе, что вы можете жить как хотите, а он пересмотрел свои принципы и пойдет по жизни своей дорогой? Аннунциата целый день сидела на диване в своей комнате (она живет с нами уже пятнадцать лет) и пересматривала свои принципы. Аннунциатины принципы состоят в том, чтобы угрожать мне своим уходом за то, что я пустила в дом студентов.

«Глупая ты, Аннунциатка, нам с тобой нужно на что-то жить! Ты хочешь, чтобы мы с тобой танцевали у метро? Или я бы катала окрестных ребятишек по двору в «мерседесе»?»

По ней, лучше бы мы танцевали. Аннунциата заявила, что уходит от меня: жить по-прежнему будет дома, но больше на меня не работает. Устроилась консьержем.

Спустя пару дней Аннунциата сменила гнев на милость и вернулась к своим обязанностям: немного убирает, немного стирает, немного гладит. Когда она принесла в дом первую зарплату, я поняла, что означают все ее выкрутасы: она ушла от меня, чтобы помогать мне. Таким образом она вынудила меня помогать ей: например, сегодня она делает дома генеральную уборку, а я буду вместо нее консьержем.

Папа, ты скажешь, что я превратила свою жизнь в цирк? Что на рынке труда полно домработниц, с которыми не нужно по очереди работать консьержем? Но ты же знаешь, папа: любовь и дружба не продаются на рынке. Аннунциата близкий мне человек, все обо мне знает, всегда подслушивала наши с Братцем Кроликом разговоры, и имя у нее красивое. Она оставила его себе после того, как сыграла Аннунциату в самой моей любимой пьесе Шварца — «Тень» (мы в то время увлекались домашним театром, я играла Ученого, Братец Кролик играл Тень и все остальные роли, включая лакеев Министра финансов)... Ох, как же весело мы жили... Аннунциата говорит, я теперь брошенка. Брошенка звучит как польское аристократическое имя. Графиня Брошенка.

Хочу только кое-что уточнить, папа. Сейчас мне говорят: «Смирись, Алиска, у тебя такой возраст, возраст потерь, — слава ушла, журналисты забыли, картины не продаются, мужа потеряла». Смириться с потерями и ползти на кладбище? Ну, нет уж, выкусите, правда, папа?.. Прости, не могу больше разговаривать — ко мне пришли.

Ко мне не совсем пришли. На подоконник будки шмякнулся пакет — бум! И рядом с будкой на пол что-то бросили — шмяк! Да, именно так. На подоконнике было бум, а на полу шмяк.

Я высунулась из окна, как черепаха из панциря (шляпка зацепилась бантом), и увидела господина в длинном пальто. Господин тихо говорил сам с собой: «Может, не надо было ей ботинки отдавать? Она в шляпке... С другой стороны, ну и что, что в шляпке, она же консьерж». Я сказала: «Не смущайтесь, я знаю, что я консьерж», и он, не глядя на меня, приветственно поднял руку и прошел к выходу. Вот мы и познакомились.

В пакете, упавшем на подоконник будки (бум), были ботинки. Мужские ботинки, новые, с вложенным в правый ботинок чеком, фирма «Lloyd», размер сорок шестой. Вне

всякого сомнения, ботинки были для меня. Подарок. Ему ботинки малы или велики, а консьерж пусть носит на здоровье, — благотворительность. Ну... спасибо. Вечером (придет же он когда-нибудь домой) ботинки верну под предлогом «размер не подошел, маловаты».

А вот еще одно мое «другое общение»: мама с сыном. Как и Господин в пальто, остановились у будки: может быть, жильцы привыкли совать консьержу в будку косточки, лакомства?.. Но нет, мама с сыном остановились познакомиться.

Мама очаровательная: крепкая ширококостная блондинка, излучающая такое спокойствие и доброжелательность, что хочется к ней удочериться; кажется, что побудешь ее дочкой хотя бы полчаса, и за полчаса она решит все твои проблемы.

— Если вы выйдете из будки, то я на вас посмотрю, — сказал мальчик, и мать одернула его «Матвей!»

Матвей похож на маму, они как матрешки из одного комплекта — крепкие, яркие.

— Простите, ему в школьном театре нужно сыграть э-э-э... пожилую даму.

— Старуху, — уточнил мальчик. — Я играю старуху в пьесе про Хармса. Я там падаю из окна.

Я поправила (не терплю неграмотности):

— В пьесе по Хармсу или по произведениям Хармса.

Мама не обиделась, а кротко пояснила:

— Это именно пьеса о Хармсе, о жизни Хармса, но, конечно, в пьесе его стихи и проза... Матвей играет одну из шести вываливающихся старух.

— Я-то считаю, старуха всегда горбится и шаркает ногами. Но наш режиссер сказал, что это будет выглядеть пародией и чтобы я подумал и создал образ.

— Режиссеру шестнадцать лет, — заметила мама.

— Можете выйти из будки, чтобы я создал образ? — попросил мальчик.

Я вышла из будки и спросила:

— Матвей, когда, по-вашему, человека можно считать старым?

— В тридцать лет... Ух ты, вы в шляпе! У вас шляпа — красота! И туфли — красота, как у клоуна! Вы не старая, вы смешная... красивая... А вы кто были? Актриса, клоун?

Почему «была»?.. Я тоже в его возрасте считала, что старость наступает в тридцать лет, но теперь, когда мне уже исполнилось пятьдесят три, считаю, что в восемьдесят восемь. Туфли «Sergio Rossi» очень красивые,

голубые с красным лакированным мысом, под цвет «мерседеса».

— Приходите на спектакль, я вас приглашаю, увидите, как я падаю из окна... Я всех приглашаю, нам нужны зрители. А моя сестра дура, сломала ногу, теперь на одного зрителя меньше... Я сначала буду актером, потом режиссером. Один мой предок был знаменитый кинорежиссер, — я в него!

Мама Матвея улыбалась улыбкой «мы очень демократично ведем себя с прислугой, в том числе с консьержем». Обаятельна, хорошо воспитана, и хорошие манеры явно привиты ей с детства. В мире, где ни у кого нет никаких манер — ни хороших, ни плохих, это редкость. Но сына не научила себя вести! Не нравится мне этот мальчик. Нахал, болтун и любопытный надоеда. Не люблю детей, особенно мальчиков... Девочек тоже не люблю. Кого в данный момент вижу, того особенно не люблю.

Я задумалась, не вредна ли работа консьержем для моего здоровья. Будь я сейчас дома, я бы только проснулась и еще не успела бы выкурить ни одной сигареты — я ведь не курю во сне. В своей новой роли консьержа я уже выпила две чашки кофе и во второй раз выхожу покурить... С другой стороны, кто рано встает, тому бог подает. Сейчас всего полови-

на десятого утра, а бог уже подал мне мужские ботинки «Lloyd» сорок шестого размера.

Кстати, о ботинках. Входит ли в мои должностные обязанности посмотреть, что в полиэтиленовом пакете из магазина «Лэнд», в том, что шмяк вслед за бум?

В романе... Хоть бы раз в жизни оказаться в романе! Но если бы я оказалась в романе, я не смогла бы оценить это в полной мере: как бы я узнала, что нахожусь в романе?..

В романе я обнаружила бы в пакете из магазина «Лэнд» младенца в бархатной пеленке. По меньшей мере младенца. Или хотя бы золотые пистолы. Но с какой стати Господину в длинном пальто доставлять младенца из своей квартиры к будке консьержа? Как только придет полиция, консьерж расскажет, откуда взялся младенец... А с какой стати Господину выбрасывать золотые пистолы в пакете из магазина «Лэнд»?

В жизни пакеты из магазина «Лэнд» гораздо прозаичней, чем в романе. В жизни все, абсолютно все ведет к аллергии. Когда я заглянула в пакет, из него закружилась такой вихрь пыли, будто я открыла сосуд со стариком Хоттабычем. Но никакого Хоттабыча. Я тут же начала чихать, чихала и чихала до слез. В пакете сверху были скомканные ре-

кламные проспекты «Компьютерная помощь на дому», «Салон красоты на Мойке» и «Путешествуйте с нами!», письма, подписанные «С пионерским приветом, твоя внучка, ученица 5 А», «С приветом из Крыма», и прочее из 70—80-х годов, мятые тетрадные листы, открытки, блокнот без обложки, с фиолетовыми чернильными строчками — рассыпался у меня в руках, — и в самом низу старый фланелевый халат в цветочек, грустные остатки чужой жизни. Я имею в виду старый блокнот и цветастый халат, не рекламу.

Господин в пальто собрал и засунул в пакет грустные остатки чужой жизни, а сверху, чтобы место не пропадало, напихал рекламу. Плюхнул чужую жизнь у будки, чтобы консьерж выбросил ее на помойку. Следующим людям не нужны остатки жизни предыдущих, также как тем, у кого посуда «Цептор», не нужны довоенные алюминиевые кастрюли.

Я выброшу. Ветер выдует из помойного бака невесомые листочки, чужая жизнь разлетится по двору, а фланелевый халат уже не вырвется из помойного бака... Но как выбросить чужую жизнь?!

Сначала нужно виновато подержать в руках, развернуть, посмотреть, а уж потом выбросить.

Я вывалила из пакета бумаги, листы рассыпались по полу... и я вслух сказала: «Ну, что тут у вас? Давайте, не стесняйтесь, — что это, письма, дневники, открытки?! Думаете, я заберу вас домой и буду хранить?.. Нет уж, дорогие мои, мне свои письма-открытки некуда девать...» На помойку!..

А во фланелевом халате что-то было. Это был не просто скомканный халат, это было что-то завернутое в халат и перевязанное поясом от этого халата. Ну, понятное дело, не королевский младенец и не пистолы, но я и не ждала ничего интересного.

Во фланелевом халате был холст. Три холста. Три довольно больших куска холста, неровно обрезанных по краям.

Холсты были грязные, в пятнах и затеках, словно на них роняли бутерброды маслом вниз и проливали чай. На двух холстах изображение сохранилось: квадраты, треугольники. Я не искусствовед, я художник и понимаю лишь самые общие вещи: эти грязные обрезки — фрагменты картин, написанных, скорее всего, одним художником, давно... до войны?.. Почему здесь обрезки картин, а не картины целиком? Может быть, художнику не понравилось то, что у него получилось, и он в злобе разрезал картины на куски?.. Но почему художник, может быть, ху-

дожница? Если мне не нравится моя работа, я обычно ее не режу на куски, а переделываю. А тут разрезаны сразу два холста. Думаю, это все-таки художник, мужчина. Художник, подражавший Малевичу. И, в любом случае, это не представляет никакой ценности. В том смысле, что эти грязные обрезки не Малевич.

А на третьем холсте так осыпалась краска, что ничего не разобрать. Какие-то невнятные фигурки. Жаль, но — на помойку.

...Письма без конвертов, а вот блокнот без обложки, на первом листе чернильные строчки... Ох, вот так взять и выбросить?.. Но вдруг это блокадный дневник? Быстро прогляжу, и если это не блокадный дневник, тогда уж выброшу без стыда и жалости.

Я быстро проглядела первые страницы — на всех страницах встречались имена «Алиса Ивановна», «Александр Иванович», «Даниил Иванович», «Татьяна Николаевна». Ну, теперь можно смело на помойку: это не блокадный дневник. Это какие-то семейные записки, должно быть, Ивановичи и Ивановны — братья и сестры. Какие культурные Ивановичи и Ивановны: читают стихи, рисуют.

...И тут меня бросило в жар. Так бывает, когда ты еще не понял, но уже понял... То есть не понял, что уже понял.

То есть ты на самом деле уже знаешь, но еще делаешь перед собой вид, что нет, чтобы не сглазить. И я все шептала: «Что, что?..» Это было ошеломленное ЧТО, растерянное ЧТО, не верящее своим глазам ЧТО... Даниил Иванович. Даниил Иванович. ДАНИИЛ ИВАНОВИЧ?.. Я хотела смотреть дальше, чтобы найти подтверждение своей догадке или разочароваться и заплакать, но не сразу смогла: дрожали руки, и я еще раз прошептала: «Даниил Иванович», затем прокричала про себя «Даниил Иванович?!»

Даниил Иванович. Вот же, вот — «Даниил Иванович»! Хармс.

Нет. Нет!.. Все-таки не может быть. Время от времени случается, что на антресолях хрущевки находят маску Тутанхамона, картину Ван Гога, перстень Екатерины Второй, так бывает, но не со мной, не со мной! Не Хармс...

И, не веря, что это так, но точно зная, что это так! — уже на следующей странице наткнулась на фразу: «Даниил Иванович читал изумительно, как только он прочитал “Ну! Ну! Ну! Ну! Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!”, я не мог не засмеяться, и хотя слышал это уже не в первый раз, так и смеялся в рукав до конца чтения»... О-о, нет, нет!..

О-о, да. Вот же, черным по белому, вернее, фиолетовым: «Даниил Иванович читал изумительно, как только он прочитал “Ну! Ну! Ну! Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!”, я не мог...» Больше на этой странице ничего не было, то есть когда-то текст был, но сейчас там было пятно, расплылось сверху донизу, хоть плачь, хоть кричи!.. Но остальные-то страницы были исписаны полностью!

Если закрыть глаза, потрясти головой и быстро глаза открыть, то вот реальность: пакет, халат. Грязные обрезки холстов, блокнот, пятно. Минуту или две я стояла, не в силах двинуться с места, затем встала на четвереньки... — понимаю, что консьержи при исполнении не ведут себя так, — и бодро, как годовалый малыш, поползла, описывая круг за кругом вокруг рассыпанных на полу писем. Ну и что? В состоянии стресса я могу совершить и более странные поступки, например, показать себе язык даже не перед зеркалом.

Я подкралась к рассыпанным по полу страницам, — протянула руку, отдернула руку, — не касаясь страницы, перечитала: «Даниил Иванович читал изумительно, как только...» Подумала: «Но тогда... не может быть!.. Или может? Тогда и холсты не просто грязные обрезки». И опять поползла... Я же говорила,